

Фартов Айдар Т.

Пирожки

рассказ

Айдар Табрисович Фартов

Пирожки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67673243

SelfPub; 2022

Аннотация

Тебя угнетает, что ты ничем не можешь, помочь своему лучшему другу! И вправду, как больно на сердце, когда заболевает его самый близкий человек – Мама! Тем более, ты знал эту добрую женщину из далёкого детства. Остаётся только ждать и надеяться. А, ещё, вспоминать..., вспоминать..., вспоминать.

Айдар Фартов

Пирожки

Я устало вышел из здания аэропорта. Оглянувшись и подтянув, съехавшую лямку спортивной сумки на плечо, поплёлся на автобусную остановку. Рейс, на котором я прилетел обратно в родной город, ввиду нелётной погоды, задержали на девять часов, а затем, ещё на два. Итого, одиннадцать часов ожидания на жёстком и неудобном кресле сделали меня размякшим, как кисель и разбитым, как мой брак. Раннее утро завтрака отодвинулось на вечернее время ужина. Я превратился в голодного и колченого рахитика, немощно хромящего по городу на деревянных конечностях. Единственное, что вдохновляло и поддерживало силы, оказалось то обстоятельство, что служебная командировка вышла удачной и, несмотря на опоздание, оставлял в запасе день отдыха, при котором я тешил себя надеждой, что отосплюсь в домашней кровати.

Автобус приехал к конечной остановке по расписанию. Полтора часа езды по гладкому шоссе, глядя в окно на проплывающие пейзажи летней природы, подарил возможность подумать и, даже, чуть-чуть подремать. Я вспомнил, что необходимо заскочить в магазин за продуктами, за тем минимумом, который подарит чувство сытости и умиротворе-

ния.

Действуя по плану, как запрограммированный робот-пылесос, я целенаправленно обежал с тележкой по знакомому залу супермаркета, посетив отдел мясных полуфабрикатов, консервных и спиртных полок. Кинув напоследок мягкий батон в целлофановой упаковке и две бутылки пива, устремился к кассе. При выходе из магазина, на улице, меня окликнули.

– Привет, Ренат!

Я обернулся на знакомый голос. На моём лице непривольно появилась приветливая улыбка.

– Здорова, Даниил!

Мы хлопнули друг друга по раскрытой ладони, как повелось с ранней школьной поры. Я был чрезвычайно рад увидеть моего давнего приятеля.

– Как дела? – спросил он.

– Нормально.

– Выглядишь усталым! – моментально выдал друг. – Загрузили работой?

У меня не было от него никаких тайн.

– Да! Еду из командировки. Задержали рейс! Истрепался, как собака. Хочу скорее в ванную, и бухнуться в постель.

– Ясно! – протянул он, как-то неуверенно, что заставило меня пристальней глядеться в лицо товарища.

В его голосе не было той искромётной весёлости и праздности. Он не шутил и не балагурил, как обычно, а имел вид,

пришибленного и озабоченного проблемами, человека. Я заметил тёмные круги у него под глазами и прочерченные на лбу, внезапно ярко выраженные бороздки морщин, которых раньше не наблюдалось. Мой школьный одноклассник словно постарел на десять лет.

– Дань, у тебя что-то случилось? Говори?! – моя усталость отошла на второй план.

Друг беззащитно оглянулся назад. Я проводил глазами его взгляд, но ничего, кроме раздвижных дверей супермаркета, по-прежнему пускающих и выплёвывающих покупателей, ничего не заметил.

– Не молчи, Дань! Расскажи? – я легонько потряс его за плечи, пытаюсь, вытянуть из него информацию.

– Заходил в аптеку, Ренат!

Я вспомнил, что напротив торговых касс находился небольшой киоск по продаже лекарственных препаратов. По всей вероятности именно о ней говорил Даниил.

– Кто-то заболел? – с тревогой спросил я.

– Маму ударил инсульт! – очень тихо произнёс он, словно от громкости голоса, жалобности тембра и осознания горя остро зависело состояние близкого человека.

– Тётя Рая?! – охнул я, оглушённый этой трагичной новостью. – Она жива?

– В больнице...., без сознания! Лежит в реанимации!

Любящий сын, не сдержавшись, прикрыл ладонью лицо. Его плечи беззвучно затряслись. Я растерялся, словно поза-

был все нужные слова. На память пришло добродушное лицо тёти Раи, её дружелюбная улыбка и взмах рукой, когда она гостеприимно приглашала меня, тогда ещё безусого школьника, присесть к столу, чтобы разделить с ними обед или попить со сладостями чай. Я вспомнил давний вкус пирожков с повидлом и капустой, которые пекла тётя Рая. Сочных, жирных, с богатой и насыщенной начинкой, с подрумяненной корочкой. Моё сердце облилось кровью. Я всей душой разделял горе Даниила.

– Ты..., это..., Дань, не плачь! Мама обязательно выздоровеет! Не время опускать руки! – я нервно потеребил пуговицу рубашки, – её увезли на скорой помощи?

– Да. Маме поплохело в автобусе. Она потеряла сознание. Пассажиры заметили. Водитель остановил автобус. Кондуктор вызвала бригаду неотложки.

– Жара так негативно действует на гипертоников. Понятно! Но это очень хорошо! – ляпнул я, но, увидев, недоумевающий взгляд одноклассника, поспешил пояснить. – Врачи к тёте Рае пришли вовремя! Не задержались! Я читал, если в течение трёх часов оказывают первую медицинскую помощь, то результаты ошеломительные. Организм полностью восстанавливается.

– Я тоже слышал об этом! – поддержал он, но, скорее всего, только для своего успокоения.

– В какую больницу её увезли?

Он назвал номер городской амбулатории и улицу, на кото-

рой находилось медицинское учреждение. Это была современная больница, которая пользовалась в народе уважением и авторитетом. Я не забыл заострить внимание моего друга на эту особенность.

– Замечательная больница! Квалифицированные врачи и внимательный персонал.

– Наверное, – протянул он.

– Не, наверное, а точно! – я попытался его встряхнуть и увести от тяжких дум.

Даниил поморщился и поцокал языком.

– Ищу лекарство для уколов! Врач сказал, что с помощью него шансы у мамы на улучшение возрастают.

Теперь мне стало понятно, почему друг рыщет по аптекам всего города. Тётя Рая нуждается в средстве, которое поднимет её с постели, превратит, потерявшую память и двигательные функции, женщину в полноценного члена семьи. Я вытащил из барсетки телефон и открыл приложение, в которое записывал важные пометки.

– Дань, у тебя есть название лекарства?

– Да!

Друг раскрыл передо мной левую ладонь. Я увидел смятый листочек бумажки. Казалось, что он не расставался с ней со времени, когда получил её из рук лечащего врача. Я разобрал ровный почерк, отметив про себя её аккуратность и прилежность. Как послушный первоклассник переписал на электронный носитель название, совместно с информацией

по дозировке ампул и количества, требующего на полноценный курс лечения.

– В городе нигде нет! Даже не теряй времени, – пожаловался одноклассник. – Все аптеки обежал. Говорят, что заезда не было. Когда будет, фармацевты не знают. Может, через неделю, а может, через месяц! А у мамы нет времени так долго ждать важного укола.

Улыбнувшись самой обнадеживающей улыбкой, которую смог собрать, я произнёс:

– Я езжу по командировкам, Дань! У меня намечается поездка в Москву. Прошерстю столичные аптеки. Уверен – отыщется лекарство, которое поднимет на ноги тётю Раю.

В его глазах блеснули слёзы.

– Спасибо, Ренатка! Хорошо, что мы встретились! Мама тоже любила тебя.

– Отставить пессимизм! – я принял вид сердитого отставного полководца, – почему «любила»? Почему в прошедшем времени?! Мы ещё повоюем! Она обязательно выздоровеет! Тётя Рая ещё не старая женщина! Кстати, сколько ей лет, Даня?

– Пятьдесят девять.

– Значит, на следующий год будем праздновать юбилей! Соберёмся вместе, как в давние, добрые времена! Погуляем, погудим, попляшем, повеселимся. Искушаем пирожки с повидлом и капустой, которая она замечательно печёт.

– Дай Бог! – всхлипнув, прошептал он.

Сочувствуя, посмотрел на скорбное лицо друга, прочитав на нём, что положение тёти Раи чрезвычайно тяжёлое. Я решил, во что бы то ни стало, помочь Даниилу, отметив её важность и срочность. Я расстался с одноклассником в глубокой задумчивости. Как мог, пытался, отбросить мысли о возможной смерти тёти Раи. Я спасал себя тем слабым утешением, что возраст тёти Раи не престарелый и не шибко пожилой, который логично приближал бы человека к завершению жизненного пути. Но другая моя натура, настроенная более пессимистично громко вещала, что у смерти не бывает строгих рамок, обозначенных границами появившейся седины и утратой суставной прыти. Смерть имеет привычку появиться совсем неожиданно и нежданно, будто рухнувшая с кровли глыба льда. Именно в этом состоит её коварная месть, застигать несчастных людей неподготовленными и, в некотором смысле, безоружными.

Принимая ванну, ужиная и перед тем, как лечь спать, в голове каруселью крутились нерадостные и грустные мысли, о том, как бременна и недолговечна жизнь. Как страшно и невыносимо трудно терять близких людей и, как хрупка нить, удерживающая нас на земле.

Озвученная командировка не заставила себя долго ждать. Как я предполагал, через два дня меня отправили в российскую столицу. На этот раз я трясся в кабине бортового КАМАЗа, чтобы получить груз, обозначенный в сопутствующих документах. За рулём сидел бывалый водитель по име-

ни Роман, с которым мы ранее встречались несколько раз, в связи с деловыми поездками. Это был сорокалетний, худощавый мужчина, с острым носом, похожим на клюв и вечно недовольным лицом, а также прищуренными глазами, от постоянно дымящей сигареты, зажатой в пальцах, с жёлтыми ногтями. Он заметил мою смятенность и задумчивую молчаливость. Я не пылал желанием с ним разговаривать, зная его неприветливый характер и ограниченную душонку, которая не сулила в прибавке бодрого настроения. Тем не менее, дальняя дорога и наличие собеседника располагала и притягивала к беседе. Она позволяла, высказаться, чтобы разделить тревоги и волнения.

– О чём задумался? – водитель на секунду оторвал взгляд от лобового стекла и повернулся ко мне, – наверное, о бабах?

– Ты просчитался, Роман! – я отверг его потуги, направить тему разговора на пошлую браваду и скабрзные анекдоты.

Он вынул из пачки сигарету и чиркнул дешёвой газовой зажигалкой.

– Тогда, о чём – же ещё? О молодых тёлочках? – он заржал от собственной примитивной шутки, показавшейся ему оригинальной.

– Думаю об однокласснике и его захворавшей маме! – поведал я, в надежде услышать что-то хорошее и позитивное.

Роман затянулся и выпустил в окно струю сизого дыма. Он стряхнул сигарету в щёлочку открытого окна, но серый пепел бесцеремонно залетел обратно в кабину.

– Да?! А, что с ней?

– Высокое давление. Кровоизлияние в мозг.

– У! Это конец! – водитель скривился, показав щербатый рот, – не жилец! Можно копать могилу!

Более бестактного и кощунственного ответа я не ожидал. Вздрогнув, осуждающе глянул на Романа.

– Нельзя так говорить! Шанс у человека всегда должен оставаться. Вот увидишь – тётя Рая выздоровеет. Куплю в Москве лекарство. Оно должно помочь.

Красный огонёк сигареты вспыхнул с новой силой, который отчего-то не выглядел маятником надежды, а показался тусклым зрачком, бьющегося в предсмертной агонии животного.

– Посмотрим, посмотрим! – буркнул Роман, – моего двоюродного брата жажнул инсульт. Лежал без движения шесть месяцев. Как овощ. Его лечили, кормили, растирали, делали массаж, убирались. Никакого прогресса и улучшения. Ни-че-го! Топтание на месте. Ступор! Как глядел тупым взглядом барана, так и остался. Никого не узнавал. Молчал в тряпочку. Но аппетитом обладал отменным. Был готов жрать целыми сутками. Рот открывал, как вечно голодная галка. Уплетал неимоверно и гадил..., гадил..., гадил. Ох, и намучились мы с ним!

– Ты тоже убирал за братом? – спросил я, только для того, чтобы удостовериться в своих праведных догадках.

– Нет!

– Как сейчас его самочувствие? – мои нелестные оценки подтвердились.

– Кого?! Брата? – брезгливо сморщившись, переспросил Роман, а затем ухмыльнулся. – Похоронили. Второй insult подоспел, который его добил. Он так и не пришёл в себя. Помер в прострации. Но зато избавил всех от дальнейших мучений.

– Но тётя Рая выздоровеет! – я постарался не поддаваться желчи и негативу.

– У неё, что ль, лёгкая форма?! В сознании? Разговаривает? – он выкинул наружу, докуренный до фильтра, бычок.

Я тяжело вздохнул.

– Без сознания и движения! Но вовремя успели положить в больницу, прямиком в реанимацию!

– Проживёт...

Ответил водитель, и я едва не поверил, что для тёти Раи, в качестве исключения, он приготовил более жизнерадостное будущее.

– ...на неделю дольше, чем брат! – закончил он мрачным предсказателем.

Я отвернулся к окну, пожалев, что совершил упущение, открывшись и доверившись Роману. Я ожидал, услышать от него другие слова, более утешительные, более обходительные и успокаивающие. Однако моя попытка провалилась, как ботинок в гудрон. Грустные мысли закрались в голову, заполнив душу объяснимой тревогой и беспокойством. По-

грузившись в себя, стал думать. Да, insult – болезнь опасная и смертоносная. Согласно статистике, она является основной причиной смерти многих людей на планете. Тётя Рая находилась в полушаге от печальных цифр. Теперь её самочувствие напрямую зависело от природной выносливости организма, её внутренних резервов, а также медицинского персонала, пытающегося реанимировать и вернуть к жизни пациента. В глубине души я соглашался с Романом, что шансов у матери Даниила не так много, но, в тоже время, они обязательно и непременно должны сохраняться. Я признавал этот скорбный факт, но, как мог, отгонял невесёлые мысли о возможной кончине тёти Раи. Иначе, как быть?! Даже представляя воочию горе, невозможно допустить подобного развития событий. Мне было донельзя жаль эту женщину, ведь я многому научился, часто общаясь с ней в школьную пору. Прежде всего, почерпнул доброты, уважения к старшим, чувству дружбы и привязанности. Я очень хорошо её знал.

Именно тётя Рая заметив, что я, у неё в квартире, кружусь вокруг книжных полок, рассматривая с интересом названия томиков всевозможной литературы, проявила заботу и внимательность. С доброй улыбкой на лице она спросила, какие художественные жанры люблю больше всего на свете. Ответив, что обожаю, зарубежные детективы и криминальные повести, к следующему моему приходу подготовила несколько книг истинных мастеров детектива – Джейм-

са Чейза, Эрл Стенли Гарднера и Сидни Шелдона. Каждый раз, приходя в гости, к Даниилу, я водружал на прежнее место прочитанную книгу, получая взамен новую. Она подарила мне мир чтения, её удивительные и захватывающие приключения. Тётя Рая по праву научила меня читать. Читать с воодушевлением, с той внутренней увлеченностью, когда забираешься на диван с раскрытой книжкой, превратившись в участника удивительной истории, сопереживаешь и трепещешь от развития сюжетной линии. Живёшь в предвкушении встречи с храбрым и умным главным героем. Осуждаешь жадность и предательство нечестных людей. Любишь и беспокоишься.

Тётя Рая поощряла моё желание читать, хвалила и призывала не останавливаться, постоянно напоминая об этом своему сыну – Даниилу, который, к слову, тоже включился в негласное соревнование, кто прочтёт больше всего книг. Тётя Рая обладала великолепной интуицией и тонко чувствовала моё настроение. Каждое воскресенье, когда я появлялся у неё, расспрашивала о жите – бытие, учёбе и родителях. Получив исчерпывающие ответы, поглядывая на меня и улавливая мой настрой, выбирала ту книжку, которая больше подходила по состоянию моей души. Давая рекламацию книге, она нечаянно привлекала внимание и подогревала интерес к прочтению.

С тётей Раей было приятно общаться. Она относилась к той категории людей, которые любят ласку солнца, ми-

ло заглянувшего в окошко, восторгаются первыми и весенними набухшими почками на веточке. Ей нравилась весна больше всего на свете. Наверное, из-за того, что она родилась в один из похожих солнечных майских дней.

Тётя Рая принадлежала к тому кругу людей, с которыми легко и светло, когда находишься рядом с ними, когда разговариваешь, когда дружишь. Она имела преимущество, так как умела видеть и замечать красоту природы, её тонкую и ранимую хрупкость, её величие и покорность. Добродушная улыбка и пронизательный любящий взгляд придавали желание радоваться жизни, относиться к мелким и незначительным событиям, как к особому и неповторимому подарку судьбы. Оставаться собой и не разочаровываться в тех неурядицах, которые так часто подсыпает матушка-судьба.

«Почему всегда грустно, когда умирает весёлый человек!», – подумалось мне, и я отшатнулся от тяжких дум.

Я отругал себя за то, что позволил, высказаться в мрачных прогнозах, приняв позицию Романа. Мне стало невмоготу, что жизнь замечательного человека висит на волоске, а мы с Даниилом вынуждены лишь ждать. Ждать и надеяться.

Мне удалось, приобрести лекарство в столичной аптеке. Возвратившись из командировки, первым делом связался по мобильнику с Даниилом. Его голос звучал ещё глуше, чем при нашей прежней встрече возле супермаркета. Друг прибежал ко мне на работу с пожарной поспешностью. Он выглядел всклокоченным и похудевшим.

– Привет, Дань! Как тётя Рая?! – затаив дыхание, я застыл гипсовой колонной.

Его глаза, в котором не осталось ни капли живого блеска, чиркнули с непередаваемой болью.

– Без изменений! Состояние тяжелейшее.

– Не пришла в сознание?

– Не знаю. Врачи молчат, словно набрали в рот воды.

– Возьми! – я протянул ему упаковку. – Думаю, что эти уколы помогут.

– Спасибо, Ренат! Мои надежды тают с каждым часом. Наверное, наши старания бесполезны!

Он взял лекарство и отвернулся. Я понял, что он хочет скрыть свои слёзы. Молча, я погладил его по плечу. Я боялся, что не выдержу и расплачусь вместе с ним.

– Ренат, я могу попросить тебя ещё об одном одолжении?

– Конечно, Дань! Нужно другое лекарство?

– Нет! – он замялся, но затем взял себя в руки, – если мама..., если с ней..., если она..., сможешь? Мама относилась к тебе очень хорошо! Ты ей нравился.

Одноклассник пропустил одно слово, но я догадался, что он имел в виду. По моей коже пробежал морозец, вызвав мурашки.

«Если мама умрёт, то сможешь с похоронами! Ты придёшь с нею проститься?!», – так прозвучало бы полное предложение, если бы Даня осмелился его озвучить.

– Помогу, Даня! Обязательно! – я сник, ощутив в душе,

пустую бездну.

Я взял его ослабевшую руку и твёрдо пожал. Я хотел, выразить ему свою солидарность, свою дружбу и признательность. Я хотел, показать другу, как мне близка и дорога тётя Рая. Высказать, что это не только его горе и утрата, а наше, общее и, бесспорно, я буду рядом в эти скорбные дни.

– Мы с мамой всегда доверяли тебе, Ренатка! – он повернулся ко мне, и я заметил его грустные глаза, полные слёз.

– Звони, Даня! – мой голос утратил жизнелюбие, погружившись в морозящий дождик.

Между тем, жизнь текла своим чередом. Трудовые обязанности захватили меня с лихвой. Я катался по стране, по командировкам, как и прежде, но мысленно считал километры от дома. Я жил в ожидании. К сожалению, в ожидании плохих новостей от Даниила. Поэтому непроизвольно высчитывал время, как быстро смогу среагировать на горестный звонок и примчаться к другу. Надежда на улучшение здоровья тётя Раи, первоначально прочно закрепившаяся в сердце, исчезла после последней встречи с Даниилом, уступив место тягучей боли. Я поймал себя на мысли, что боюсь ему звонить сам, словно мой звонок должен был ускорить процесс смертельной болезни, приблизив прощальный ритуал.

Тем не менее, время тикало незаметно, но верно. Пролетели осень, далее отплясали новогодние праздники, унося прочь снежную зиму, а затем, как положено по календарю,

насталa весенняя пора. Выглянуло солнце, закапали капли, снежные сугробы почернели и съёжились. Ветки налились пахучими почками, а на земле проклюнулась нежная, зелёная травка. Я втягивал ноздрями свежий и влажный воздух и вспоминал, что именно эту волшебную пору так справедливо любила тётя Рая.

В один из таких ярких, солнечных дней мой мобильник нетерпеливо завибрировал. Я глянул на экран и обомлел. Да, я ждал звонка друга, но он всё равно прозвучал неожиданно. В звуке мелодии сотовой трубки я уловил трагический финал и похоронный набат, к чему невозможно было подготовиться, даже за весь долгий период ожидания. С упавшим сердцем снял трубку.

– Да, слушаю! – я принял скорбное выражение и говорил без эмоций, словно меня выжгли изнутри.

– Привет, Ренат! – тут же ответил друг.

Я попытался, облегчить его состояние в эти тяжёлые и сложные дни, но ком в горле сжал мне глотку, будто ледяной квас. Через боль я выдавил из себя чужой голос.

– Дань, я приду, как договаривались! Еду из командировки. Буду вечером!

– Ренат, такая срочность не нужна! – сквозь цифровые помехи передатчика донеслось до моих ушей. – Приходи послезавтра, в субботу.

У меня перехватило дыхание, когда Даниил добавил. Между тем, я побеспокоился за его психическое состояние.

– Ренат, мама будет ждать тебя! Ещё помнишь мой старый адрес, куда приходил за книжками?

Я догадался, что Даниил совершенно логично организует прощание и похороны своей мамы с квартиры, где она прожила все годы.

– Адрес записан у меня на сердце! Обязательно буду, Дань! – пообещал я, вложив в голос всю свою теплоту и искреннюю любовь к безвременно почившей тётё Рае.

Нажав на отбой, зажмурился. Закусив губу, удержался, чтобы не расплакаться, но скатившаяся слеза прочертила чётточку на моей щеке. Я ощутил себя в некоторой степени сиротой, потому что почувствовал сильную боль. Сегодня я потерял дорогого человека, у меня из-под ног выбили подпорку, оставили одного. Я пожалел одноклассника, которому, несомненно, было тяжелее, чем мне. Перед лицом возникла тётя Рая. Весёло подмигивая, она протягивала мне очередной литературный шедевр. Затем, как в старом диафильме возникла тарелка, полная румяных пирожков с капустой и повидлом. Почему-то память часто подкидывала подобные сцены. Вероятно, из-за того, что они оставались для меня самыми добрыми, самыми ласковыми картинками из детства. Потеряв тётю Раю, я словно попрощался с близким и родным человеком. Настолько невыносимо было осознать глубокую потерю, провести боль через сердце, разорвать в клочья душу.

Я последовал рекомендации Даниила. В субботу, в поло-

вине девятого утра, надев чистую рубашку и незаменимые джинсы, засунул в карман конверт с деньгами, предназначавшийся Даниилу. Помня, что прощальные проводы обычно чтят и организуют до обеда, постарался не терять времени. Тем более я знал, что найдётся дополнительная работа, которую Даня доверит только мне. Общественный транспорт курсировал по графику выходного дня. Поэтому мне пришлось подождать автобус двадцать минут. Я доехал в полупустом салоне до остановки, находящийся рядом со школой, в котором когда-то учился. На противоположной стороне, возвышалась хрущёвка в пять этажей. Именно с этим домом у меня были связаны самые тёплые воспоминания. Именно в одной из стандартных квартир проживали мой друг и его добрая мама. К большому сожалению, я позволил, выразиться о тётке Рае в прошедшем времени. Я обогнул с главной улицы угол кирпичной пятиэтажки и вошёл во двор. Обнаружив двери подъезда, прищурил глаза. Я ожидал, увидеть атрибут похоронного ритуала, а именно крышку гроба, которую прислонили к стене, как всегда делают перед выносом покойника. Однако обнаружил только дверь подъезда, призывно раскрытую для посетителей. Я сокрушённо подумал, что тётя Рая – первая мама, от которой начинается отсчёт потерь родителей. Я нырнул в пустоту подъезда, показавшимся мне сырым и холодным, как могила. Вздохнув, поплёлся на четвёртый этаж. Лифта в данном доме, согласно советским проектам, не предусматривалось. Поднимаясь, на-

вострил уши. Я ожидал услышать определённый шум, звуки и голоса людей, прибывших так же, как я. Но подъезд хранил безликое молчание, словно соболезная вместе со мной и, удалив случайных зевак. Списав этот знак на ранние часы весеннего утра, тем более выходной субботы, я достиг дверей квартиры. Ещё раз, глянув на номер квартиры, будто воспроизводя в голове юность, когда мальчишкой, запросто являлся сюда, зная, что меня здесь всегда ждут, взялся за ручку двери. Безусловно, так как не могло быть иначе, ручка поддалась. Дверь мягко приоткрылась. Вздохнув, я шагнул за порог, в прихожую. Шмыгнув, враз размягчившимся носом, осмотрелся. На первый взгляд мне показалось странным, что квартира пуста. Я хотел повернуть в зал, рассчитывая, что гроб с телом, как положено, установлен посередине комнаты. Однако звон посуды и льющей из крана воды на кухне доказывал, что я ошибаюсь. Также негромко звучала песня из музыкальной колонки, что ещё больше умножило удивление. Безусловно, на кухне находился человек. И он вовсе не горевал. Я развернулся и уверенным шагом направился по коридору, где мне прекрасно была знакома обстановка. И буквально налетел на Даниила, который при виде меня широко улыбнулся.

– Братишка, привет! Как я рад тебя видеть, Ренатка! – он зарёб меня в свои дружеские объятия, проигнорировав, протянутую мной, ладонь.

– Привет, Дань! – я удивился его непомерной весёлости,

которая не подходила для такого дня, – а где остальные люди?

Даниил по-хулигански подмигнул мне, как делал в школе, когда на подоконнике, перед уроком, списывал домашнее задание.

– Так рано ещё, Ренатка! Ты тоже поторопился, но я уже никуда не отпущу тебя. Мне нужны помощники. Не успеваем ничего. Гости должны подойти к четырём!

Я стушевался.

– Гости?! Какие гости?!

Даниил посмотрел на меня укоризненно, словно я отказался, возвращать ему бестселлер.

– К маме должны прийти гости! – неторопливо пояснил он, как мудрый преподаватель, твёрдо знающий, какую оценку заслуживает данный ученик на экзамене.

– К тёте Рае?! И, что?! Когда придут? – выпятив губу, я окончательно зарылся в траншею, запутавшись в кабельных наконечниках.

Он хохотнул от моего сельпошного вида и, взяв за руку, потянул из коридора в зал.

– Не тупи, Ренатка! Шагай!

Оказавшись в большой комнате, я ахнул. Передо мной предстал длинный, раздвижной стол, наполовину сервированный, выдвинутый от открытого окна с белоснежными занавесками до противоположной стены зала.

– Теперь понял? – школьный друг несильно ткнул меня

по предплечью, – надеюсь, не забыл дату?

– Помню..., помню! – мои глаза захлопали, как крылья пойманной бабочки, трепыхающейся в банке из-под чипсов. Вид у меня был наиглупейший, – дату...

– Всё-таки ты забыл, да?! – иронично поджал губы Даниил.

Переместившись с ноги на ногу, выдвинул в качестве щита железный аргумент.

– Дань, я пришёл к тёте Рае!

Одноклассник громко щёлкнул пальцами.

– Ох! Совсем заболтал тебя, Ренат! Скорее побежали на кухню! Тебе выпала честь быть первым, кто поздравит мою маму!

В моей голове постепенно начала вырисовываться полная картина. Моё туманное состояние принялось, таять, когда в коридоре ударил в нос аппетитный запах, что-то остро напомнив из далёкого детства и, взбаламутив мой мозг неожиданными и ликующими ожиданиями. Я боялся спугнуть ту маленькую надежду, которая воздушным шариком в синем небе взлетела к сказочным ожиданиям. Мы зашли с ним на кухню, и я встрепенулся от радостного предчувствия.

– Мама, посмотри, кто к нам пришёл! – сказал Даниил, пропуская меня вперёд.

Я был готов подпрыгнуть от восторга, увидев, кто колдует перед газовой плитой, вытаскивая сковородку с изумительным запахом. Мои зрачки расширились от переполнявшего

чувства неожиданности и любви, а сердце, как лихой скакун застучало быстрее. Я понял, как сильно соскучился по этой женщине, как сильно её не хватало эти полгода, как благосклонна судьба к добрым и хорошим людям, обрубившую когтистую лапу смерти. Я смотрел и не верил тому, что вижу. Будто от бездонной радости, лишивший дар речи, превратился в немого зрителя. Эмоции захлестнули меня через край. Положив сковородку на деревянную подставку, живая и здоровая тётя Рая раскрыла мне свои объятия. Мои глаза непроизвольно наполнились слезами. К своему стыду я всхлипнул, как мальчонка, потерявшего и обретшего в эти минуты свой родной дом.

– Тётя Рая, как рад видеть Вас! Тётя Рая! Тётя Рая! – застыв, нежно обнял хрупкую, невысокую женщину в фартушке, руки которой были испачканы в муке.

Мы долго стояли, обнявшись. Я не мог ничего говорить. В горле першило, но душа журчала от многоцветья роз и тюльпанов. Я не хотел отпускать эту добрую женщину из своих объятий. Как в школьную пору она олицетворяла мудрость и спокойствие. От тётя Раи приятно пахло яблочным повидлом и свежей выпечкой. Она виновато глянула, будто извиняясь, что не может обнять меня в ответ, так как могла испачкать мне чистую рубашку, а в её глазах я прочитал материнскую любовь и искреннее счастье от нашей встречи.

– Как же вы нас напугали, тётя Рая! Я же думал, что Вы..., что с Вами случилось несчастье!

Больше не мог сдерживаться. Слезы полились водопадом, невзирая на моё желание успокоиться. Повернувшись к Даниилу, увидел, как он тоже украдкой вытирает глаза. Я почувствовал, как моя рубашка в то же время намочила от слёз тёти Раи. Мы плакали втроём, но теперь это были слёзы радости, а не потерь.

– Ренатка, так ты испортишь нам мамин юбилей! Давайте, договоримся, что больше не будем плакать?! Достаточно пострадали!

Одноклассник будто обручем мягко обнял нас за плечи. Нехитрым движением, сплотившим нас воедино, ему удалось быстро осушить потоки слёз.

– Точно, Дань! Как я мог позабыть?! Ведь сегодня тётя Рае исполнилось шестьдесят лет! – я хлопнул себя по лбу, вызвав потешный звук шлепка. – Не будем плакать, если тётя Рая пообещает нам больше не болеть! – следом воскликнул я, следуя за настроением друга, переменявшимся в сторону веселья и балагурства.

– ... и жить до ста лет! – дополнил любящий сын.

Тётя Рая задумчиво посмотрела на нас, вытерев руки о фартук. Затем произнесла с хитринкой.

– До ста лет не обещаю, но девяносто поднатужусь!

Не сговариваясь, мы посмотрели на юбиляршу. Затем весело рассмеявшись, расцеловали её щёки. Я в правую, он – в левую. Она по-матерински погладила нас по спинам.

– Сегодня больше не стану мыть лицо! Не сомневаюсь, что

выйду к гостям с чистой физиономией, так как вы меня всю обლობызали, хитрецы! – произнесла тётя Рая, смеясь.

– Мама, ты точно обещаешь? – не унимался заботливый Даниил.

Вокруг её смеющихся глаз собрались лучики морщинок.

– Да, точно, Данюша! Но я должна выполнить ещё одно пожелание, которое озвучил Ренатик! Сынок, ты сам мне об этом рассказал в больнице! Не помнишь?

Мы опешили, посмотрев друг на друга удивлёнными глазами. Затем перевели взгляд на тётю Раю.

– Какое пожелание, мама? – пожал плечами Даниил.

– Садитесь за стол, мальчишки! Сами увидите! У меня всё готово! – по – простецки скомандовала тётя Рая.

Мы с Даниилом сели рядышком за кухонный стол. Перед нами возникла большая тарелка, закрытая цветастой салфеткой. Женщина стала серьёзной, но её глаза излучали милосердие и добродушие. Она взялась кончиками пальцев за края салфетки.

– Ренат, огромное спасибо! Ты поддержал Данюшу и меня в трудную минуту, выразив уверенность, что «...на следующий год будем праздновать юбилей! Соберёмся вместе, как в давние, добрые времена! Погуляем, погудим, попляшем, повеселимся». Я ведь правильно их заучила, когда проходила необходимую речевую реабилитацию? Данюша заставлял их повторять в качестве упражнения вновь и вновь! Каждое утро! Каждый день! Именно мой сын и ты, Ренат, возроди-

ли желание жить, вселили уверенность! Отдельная благодарность за лекарство. Оно пришлось кстати!

Мы глядели на тётю Раю, не отрывая глаз, внимательно слушая её воспоминания.

– Но в том длинном предложении прозвучала ещё одна фраза, которую я запомнила больше всего! Ради неё, я решила во, чтобы то ни стало, победить болезнь! – она взмахнула рукой, как настоящая фокусница. Салфетка вспорхнула, словно подхваченная ветром.

Меня внезапно озарило. Я вспомнил своё летнее предсказание.

«...значит, на следующий год будем праздновать юбилей! Соберёмся вместе, как в давние, добрые времена! Погуляем, погудим, попляшем, повеселимся. Искушаем пирожки, которая она замечательно печёт!».

Я глянул на тарелку и облизнулся. Она была полна пирожков. Мягких, сочных, подрумяненных. Пирожков с капустой и повидлом...

май, 2022г.